

П А М Я Т И

Е. В Т Е Н И Я Х А Р И Т О Н О В А

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ХАРИТОНОВА

29 июня 1981 года на одной из улиц Москвы скончался Евгений Владимирович Харитонов. Собственно, известно и название этой улицы, и точное время, но просто кощунственно называть их, когда эти внешние приметы скажут читателю больше, нежели само имя Евгения Харитонova. А ведь скончался один из талантливейших прозаиков в нынешней русской литературе. Бессмысленно было бы здесь пересказывать его произведения или спешить со скоропалительной их оценкой. А что за грустная польза вспоминать житейские дела и поступки художника? Все это так, и все это не так...

Когда стало известно об этой немислимой, недолжной, не имеющей право на такой ранний возраст смерти, явился страх мучительного для живых свидетелей, друзей и знакомых явления раздваивающегося образа человека-художника. Но нет, Харитонов явился живым, цельным, цельнее, чем кто-либо из известных мне литераторов, художников и поэтов, явился уникальным, даже в некоторой степени немислимым человеком, сделавшим свою жизнь предметом прямого, передупцированного литературного осмысления, а литературу - основным смыслом своих жизненных интересов, переживаний и поступков. Пожалуй, со времен Розанова не было в нашей литературе такого примера интимно-маргинального способа бытования в искусстве, которое требует разрешения современных литературно-языковых проблем на предельно откровенном, рискованно откровенном уровне и материале личной жизни. Незаурядная личность, удивительное чувство пластики и интонационной прихотливости языка позволили Евгению Харитонову явить "необлитературенную" /насколько это вообще возможно в литературе/, тонкую, обаятельную и раннимую душу артиста. И если было в этом какое лукавство - так единственно, что пытался он из своей ранности создать высший охранительный принцип творчества: если нас печатают - то какие же мы писатели! Грустно? - конечно; спасительно? - до поры, до времени; естественно? - нет. Но в этом правда.

жизни Евгения Харитоновича с его сугубой привязанностью к литературе, с его непечатаемостью, с его редкой для литератора естественной доброжелательностью к чужому творчеству, с его непонятными, необъяснимыми опозданиями на час, на два к месту условленной встречи, с его мужественной внешностью, с его обмороком при виде милиционера, ходящего к нему в квартиру, с разносторонней одаренностью. А Харитонович, как истинный талант, был талантлив во многом.

Окончив ВГИК, он преподавал там пантомиму, легко и блестяще защитил диссертацию, посвященную семиотическим проблемам языка жестов, в Театре Мимики и Места поставил спектакль "Очарованный остров", который стал событием в жизни театра. На протяжении ряда лет он руководил студией пантомимы, участницей которой благоговели перед своим руководителем. Но все это Евгений Харитонович оставил ради литературы, единственного равноживого вместилища его своеобразной личности. Именно она, литература, если не являла жизнь целиком, то, несомненно, являясь сестрой его жизни, словно почувяла что-то и заговорила о смерти, что как раз в житейских разговорах было бы более "литературой", нежели в лирических, исповедально-пронзительных строках последних произведений Харитоновича. Что же делать, и в этом предугадывании Евгений Харитонович оказался талантлив.

Действительно, что же делать?

Знавшим и любившим его остается хранить и упрочать память о нем, каждому для себя выводить собственные уроки из его творчества и судьбы. Незнающим его — узнать и оценить, вчитаться в его произведения, в судьбу и факты, стоящие за ними, так как факты жизни художника значимы.

К сожалению, многим придется начать это с последнего факта его земной жизни.

29 июня 1981 года в 12 часов 45 минут, на Пушкинской улице, у дома №9, в возрасте сорока лет от разрыва сердца скончался замечательный русский писатель Евгений Владимирович Харитонович.
